

«ЖИТИЕ» ЕПИФАНИЯ, «ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДИМИТРИЯ ОБРАДОВИЧА, НАРЕЧЁННОГО В МОНАШЕСТВЕ ДОСИФЕЕМ, ИМ САМИМ НАПИСАННОЕ И ИЗДАННОЕ» ДОСИФЕЯ ОБРАДОВИЧА И «ЖИТИЕ И СТРАДАНИЯ ГРЕШНОГО СОФРОНИЯ» СОФРОНИЯ ВРАЧАНСКОГО

Рядом исследователей [Боева 1978; Барахов 1988; Гачев 1989; Донченко 1994; Калиганов 1982; Смольяникова 1997] указывалось на возможность сопоставления «Жития протопопы Аввакума, им самим написанное» протопопы Аввакума (написано около 1672 – 1673 гг.), «Жития и страданий грешного Софрония» Софрония Врачанского (написано между 1806 и 1812 гг.) и «Жизни и приключений Димитрия Обрадовича, наречённого в монастыре Досифеем, им самим написанное и изданное» Досифея Обрадовича (первая публикация относится к 1783 г.)¹. Подчёркивалось также [Боева 1983; Лихачёв 1978; Мечев 1963] большее сходство «Жития» Аввакума с произведением Софрония, нежели с книгой Обрадовича, наиболее светского и наименее связанного с предшествующей литературной традицией текста. Следующий этап исследований в данном направлении – сопоставительное исследование «Жития» Софрония² «Жизни и приключений...» Обрадовича³ и «Жития» Епифания⁴, соратника Аввакума, написавшего своё произведение примерно в то же самое время, что и Аввакум, – около 1675 – 1676 гг.

Остановимся теперь на *целях создания произведений*.

Епифаний создавал своё житие под влиянием Аввакума (Аввакум сам в конце своего «Жития» напрямую обращается к Епифанию: «Ну, старец, моего вяканья много ты слышал: от имени Господни повелеваю ти: напи-

---

¹ В исследовании Н.Донченко проводится сопоставление всех трёх названных произведений одновременно [Донченко 1994].

² В своей работе мы пользовались единственным российским изданием произведения [Софроний 1976].

³ Произведение цитируется по изданию: [Обрадовић 1994]. Все цитаты даются по-сербски, так как переводов произведения на русский язык не существует.

⁴ Оговорим, что текст «Жития» Епифания мы цитируем по изданию [Епифаний 1989а]. Однако, так как это произведение не относится к числу активно переиздаваемых, мы позволим себе указать заинтересовавшимся ещё на одно его издание – [Епифаний 1989б].

ши и ты тому рабу Христову... Слушай же, что говорю: не станешь писать, я ведь осержусь» [Аввакум 1951: 59]) и с теми же целями, что и «огнепальный протопоп», – это произведение для единомышленников-старообрядцев, представляющее собой некий образец того, как должно вести себя староверу и как нужно отстаивать истинную веру.

Отметим один интереснейший пассаж Аввакумова жития. Огнепальный протопоп пишет: «Пускай раб-отъ Христовъ веселится, чтучи! Какъ умрёмъ, такъ онъ почтётъ, да помянетъ предъ Богомъ насъ» [Аввакум 1951: 60]. По мнению А.М.Панченко, «[э]тот фрагмент лишь по внешности близок к средневековым авторским формулам; смысл его вполне новаторский, ибо литература, искусство, творчество становятся самодовлеющими культурными ценностями» [Панченко 1982].

Софроний, уехав в 1803 году из Болгарии в Бухарест, встретился там с валашским государем Константином Испиланти, многими боярами, митрополитом Досифеем. Константин был тронут рассказом Софрония о своих злоключениях, согласился ходатайствовать о нём перед Синодом об отпусковой грамоте для него (ведь Софроний, можно сказать, бросил свой приход). И.И.Калиганов считает, что именно по просьбе Константина Софроний создал своё житие и, таким образом, это произведение описывает частную жизнь частного лица [Калиганов 1982]. К сходным выводам приходит и Н.С.Державин: «Есть все основания предполагать, что Софроний писал (своё житие – Е.С.) вначале как частную справку о своей прошлой жизни и деятельности, возможно, первоначально по предложению митрополита Досифея. <...> Свою автобиографическую записку автор первоначально предполагал не для болгарского читателя, а для кого-то другого» [Державин 1941: 152-154]. Но, думается, это не совсем так – произведение описывает не только частную жизнь, но и жизнь всего болгарского народа, все его горести.

Рассуждая о «Жизни и приключениях...» Обрадовича, И.Лещиловская утверждает, что сербский автор, создавая своё произведение, преследовал двоякую цель: «показать, во-первых, бесполезность монастыря в обществе, а во-вторых, необходимость просвещения» [Лещиловская 1982: 287].

Особый аспект рассматриваемых произведений – их *жанровая природа*.

Анализируемые нами произведения обычно рассматривают в контексте формирования автобиографического жанра, однако однозначно определить их жанровую принадлежность довольно сложно, так как они сочетают в себе элементы разных жанров.

Во всех трёх анализируемых произведениях можно выделить следующие пласты:

– автобиография (Епифаний, Софроний и Обрадович повествуют о себе, о своём жизненном пути);

– житие (Епифаний, Софроний и Обрадович говорят о себе в каком-то смысле как о житийных героях, отстаивающих истинную веру; кроме того, очевидно, что тексты содержат ряд формальных признаков житийного жанра);

– проповедь (для Епифания это проповедь старой, истинной, веры. Епифаний, живший на сломе двух эпох, в период разрушения традиционного средневекового мировоззрения и старинного бытового уклада, всеми силами пытался защитить дорогое его сердцу прошлое. «Житие» Софрония – проповедь, по мнению К.Мечева, христианской веры и национальной гордости. В произведении Обрадовича имеет место проповедь как христианской веры, так и идей Просвещения).

«Житие» Епифания и «Житие» Софрония объединяет также наличие элементов исповеди. (Рассуждая о «Житии» Епифания, необходимо отметить, что, на наш взгляд, черты жанра исповеди в этом произведении даже более сильны, чем черты автобиографии: Епифаний был человеком кротким и скромным, «книголюбом», склонным к созерцательной жизни и к уединённому размышлению, в отличие от Аввакума. Епифаний очень внимателен к своим видениям, страхам, настроениям и именно в их описаниях достигает наибольшей выразительности. Епифаний не описывает ни исторических событий своего времени, ни конкретных людей, почти не упоминает своих путешествий по России. Но он может со страстью впавшего в отчаяние человека воскликнуть: «Не помогает ми никто ныне: ни Христос, ни Богородица, ни святы Его вси!» [Епифаний 1989а: 192] и вопрошать Бога: «...годно ли Ти, свету, течение моё сие и потребен ли Ти сей путь мой..?» [Епифаний 1989а: 197]. И услышать ответ: «Твой се путь, не скорби» [Епифаний 1989а: 197]).

И.И.Калиганов считает также, что «Житие» Софрония вполне сопоставимо с плутовским романом: «Калейдоскопичность событий и приключений отчасти напоминают западноевропейский плутовской роман, но они лишены его внутреннего оптимизма и юмористических ноток. Сама историческая ситуация <...> не оставляет для них места» [Калиганов 1982: 195]. Мысль Калиганова перекликается с мыслью Г.Д.Гачева: он пишет, что в облике Софрония есть «черты <...> близкие герою европейского авантюрно-бытового, плутовского романа», а не традиционные черты житийного героя [Гачев 1989: 85]. Л.Боева полагает, что «Житие» Софрония приближается к социально-бытовой повести [Боева 1983: 136].

Исследователи полагают, что в «Жизни и приключениях...» Обрадовича можно выделить элементы жанра путешествия (в первую очередь это относится к первой части произведения) и романа воспитания (героя воспитывают жизнь и путешествие – чисто просветительская идея) [Доронина 1983].

Отдельного анализа заслуживают *житийные традиции* в произведениях.

Своё «Житие» Епифаний начинает с традиционного житийного вступления («Послушания ради Христова и твоего ради повеления и святого ради твоего благословения, отче святыи (имеется в виду Аввакум – Е.С.), и прощения ради раба твою Христова не отрекуся сказати вам о Христе Иисусе» [Епифаний 1989а: 202]), Софроний и Обрадович же – сразу с фактов о своём рождении, о родителях («Аз, грешный в человецех, родих ся на село Котел от отца Владислава, а от матери Мария и положили первое имя моё Стойко» и т.д. [Софроний 1976: 3]; «Место рожденија мојега било је варош Чаково у Банату тамешварскому. Отац мој звао се Ђурађ Обрадовић...» [Обрадовић: 5]).

С жанром жития произведение Епифания роднит то, что он излагает эпизоды из собственной жизни в житийной манере по главам «Чудо о кресте», «Чудо о глазах моих», «Чудо Богородицы» и т.п.

Епифаний и Софроний оба употребляют формулы самоуничужения (Епифаний: «... не позазрите скудоумию моему и простоте моей, понеже грамотики и философии не учился ...» [Епифаний 1989а: 174]; Софроний: «Аз, грешный в человецех...» [Софроний 1976: 3]). Подобными формулами жития заканчиваются, как это и полагается по законам жанра (Епифаний: «...не позазрите, Господа ради, простоте моей, ... но простите мя, грешнаго...» [Епифаний 1989а: 204]; Софроний: «за мене, недостойнаго», «от мене грѣшнаго» [Софроний 1976: 48]). В конце первой части Обрадович тоже обращается к Богу («А сврх свега, Бог преблаги и милостиви, кој је сам вечна правда и истина, да се смилује на све нас...» [Обрадовић 1994: 95]).

Епифаний и Софроний указывают на то, что они мало учёны (см. [Епифаний 1989а: 174; Софроний 1976: 3]), причём Софроний объясняет этот факт тем, что «Понеже у Болгария не има философское учение на славенския язык» [Софроний 1976: 3]. Однако трудно судить, так ли это или мы имеем дело с очередной житийной формулой самоуничужения.

И Епифаний, и Обрадович – оба цитируют Священное Писание и молитвы (например: «Осени ми, Господи, уста и язык благодатию Духа Твоего Святаго, силою креста Твоего святаго, на славу тебе, свету, и на спасение бедной и грешной души моей» [Епифаний 1989: 202]; «Познай,

человеке, творца твога...» [Обрадовић 1994: 59]). Кроме того, Обрадович цитирует отцов церкви («Немојте сваком духу веровати, но искушавајте је ли от Бога» [Обрадовић 1994: 35] – это цитата из Иоанна Богослова).

Отметим, что Епифаний в своём сочинении выступает как защитник старой, истинной, веры. Для Софрония христианство – не только истинная вера, но и вера родного народа, тогда как ислам – религия угнетателей. Обрадович, будучи человеком верующим, оценивает христианство не только с точки зрения истинности веры, но и с точки зрения «этнографической»: он считает, что религия отличает сербов от их поработителей турок, это залог самобытности сербов [Лешиловская 1982: 283].

Судя по «Житию» Епифания, «Житию» Софрония и «Жизни и приключениям...» Обрадовича, их авторы, как житийные герои, не имеют никакого имущества и не стремятся к нему.

У Епифания присутствует житийный мотив чудес и борьбы с бесами, но он этот мотив значительно трансформирует. Повествуя о потустороннем, он использует вполне бытовые детали и этим создаёт ощущение реальности происходящего. При чтении первой части его «Жития», где бесы то поджигают келью пустынника, то пытаются его задушить, невольно вспоминаются русские народные сказки. Епифаний, подобно фольклорному герою, бьётся с бесом врукопашную.

В произведении Обрадовича есть другая черта, заставляющая вспомнить каноническое житие. Досифей говорит о том, что его с младых ногтей тянуло к книгам, к церкви, что он религиозен с самого детства. Обрадович подробно описывает свой духовный путь, и это путь с Богом.

Немаловажным представляется тот факт, что в заглавие своих произведений Епифаний и Софроний поставили слово «житие», видимо для того, чтобы подчеркнуть религиозный характер своих сочинений, тогда как Обрадович первыми словами в названии своей книги поставил «Жизнь и приключения...» – слова, обозначающие сугубо светские понятия.

Рассуждая о языке «Жития» Епифания, мы вынуждены провести параллели с «Житием» Аввакума (о языке Аввакума см.: [Виноградов 1923; Гусев 1957; Лихачёв 1975; Николаева 2007; Чернов 1989]). У Епифания, как и у Аввакума, была сознательная установка на живой разговорный язык. Он использует церковную фразеологию, цитаты из Священного Писания наряду с народными оборотами. В.В.Бычков указывает на то, что именно расколуучители так полно и глубоко почувствовали значение охраны родного языка для сохранения национальной культуры [Бычков 1995: 483].

Софроний говорит о своём произведении: «Затова ся трудя и аз сеги, денем и ношем, да изпиша наколико книги по нашему болгарскомуу

языку» [Софроний 1976: 47]. К сожалению, произведение Софрония не оказало никакого влияния на развитие болгарского литературного языка, так как долгое время оно оставалось неизвестным широкому кругу читателей и было впервые опубликовано только в 1861 году в белградской газете «Дунајски лебед» (№№ 55-61). Создавая своё житие, Софроний опирался на традиции дамаскинов, сборников, в состав которых входили переводы греческого писателя и проповедника Дамаскина Студита «Θηδαυρός» (с перевода такого сборника и начинается новоболгарская литература; язык этого перевода в значительной степени приближается к новоболгарскому). А.Н.Робинсон и Н.М.Дылевский анализируют язык Софрония с точки зрения лексики и грамматики и приходят к выводу, что автор писал своё житие на истинно народном языке (см. [Робинсон и Дылевский 1976]).

Большое значение родному языку придавал и Обрадович. Он считал, что «религия и вера могут измениться, а Родина и язык – никогда» (цит. по: [Лециловская 1972: 90]). Для Досифея родной язык и просвещение тесно взаимосвязаны: «Пока какой-нибудь народ не имеет книг на своём родном языке, он вынужден пребывать в темноте ума и в варварстве...» [Лециловская 1972: 93]. Досифей говорит, что одно из его намерений – «...даём приклад ученим народа мојега да на нашем простом дијалекту пишу и на штампу издају...» [Обрадовић 1994: 87]. Обрадович вводит в свою речь и церковные выражения, и цитаты из Священного Писания, и народные выражения, и цитаты на других языках (греческом, латинском, английском), переводя их на сербский.

Епифаний и Обрадович цитируют Священное Писание и молитвы (например: «Осени ми, Господи, уста и язык благодатию Духа Твоего Святаго, силою креста Твоего святаго, на славу тебе, свету, и на спасение бедной и грешной души моей» [Епифаний 1989: 202]; «Познай, человеце, творца твога...» [Обрадовић 1994: 59]). Кроме того, Обрадович цитирует отцов церкви («Немојте сваком духу веровати, но искушавајте је ли от Бога» [Обрадовић 1994: 35] – это цитата из Иоанна Богослова).

Характерная черта произведений Софрония и Обрадовича – «многолюдность» (выражение Л.Боевой). На их страницах мелькает множество народу, бурлит жизнь. Епифаний же почти не описывает конкретных людей, с которыми ему довелось общаться, он сосредоточен в основном на своём внутреннем мире.

Кратко рассмотрим теперь особенности *композиции* анализируемых произведений.

«Житие» Епифания состоит из двух частей, каждая из которых разбита на главки, в которых, как указывалось выше, в житийной манере автор излагает эпизоды из жизни («Чудо о кресте» и т.п.).

«Жизнь и приключения...» также состоят из двух частей – нарративной, описывающей жизнь автора с рождения до бегства из монастыря, разбитой на главки со вполне светскими названиями («Почетак греческе књиге», «Како сам поставио капамација и трговац», «Почетак мојега путовања» и т.д.), и эпистолярной, состоящей из главки «Предувједомљеније» и ряда писем («...један мој љубезни пријатељ запросио ме да му о нашем взајном писма соотвествованију назначујем што знања достојније од мојих догађаја...» [Обрадовић 1994: 96]), написанных во время странствий Обрадовича – из Шклова, Риги, Кёнигсберга, Берлина и из других мест.

«Житие» Софрония написано «сплошным» текстом, не разбитым на какие-либо части.

Особенность всех трёх произведений – *многосторонность в изображении героя*. Герой-рассказчик может ошибаться, испытывать негативные чувства, поддаваться слабости и быть не на высоте. Автобиографиям присуща богатая эмоциональная палитра. Герой радуется, негодует, печалится, но никогда не остаётся равнодушным.

Авторы произведений широко используют *диалоги* (отметим, что некоторые страницы «Жизни и приключений...» вообще больше напоминают драматическое произведение, нежели традиционное повествование) и *описания природы*.

Отдельный вопрос, возникающий при сопоставительном анализе произведений, – о *взаимовлиянии* их.

Известно, что в сремском монастыре Хопове на Фрушкой горе (территория современной Воеводины), где Обрадович принял постриг, Досифей много читал, в том числе и русские книги [Лещиловская 1982]. В 1753 году в монастырской библиотеке было 113 книг, из них 85 – из России [Лещиловская 1989]. Кроме того, в 1787 – 1788 гг. Обрадович был в России – он гостил у своего соотечественника, российского генерала С.Зорича, в его имении Шклове Могилёвской губернии.

Можно предположить, что среди русских книг, прочитанных Обрадовичем, было и «Житие» Софрония, однако никаких конкретных фактов, подтверждающих или опровергающих это предположение, пока нет. (Отметим, что относительно влияния «Жития» Аввакума мы также можем высказывать лишь предположения.)

В научной литературе уже ставился вопрос об источниках текста Софрония и, в частности, о влиянии на болгарского писателя «Жития» Ав-

вакума. Ряд исследователей полагает, что основные литературные источники произведения Софрония – русские [Ангелов 1957; Петканова-Потева 1960; Снегаров 1953]. Кроме того, учёные не просто отмечают большую близость сочинений «огнепального протопopa» и Софрония [Боева 1983], но и отстаивают мнение о сильном влиянии Аввакума на Софрония⁵ [Мечев 1963; Лихачёв 1978]. Д.С.Лихачёв пишет также, что «житие Аввакума и жизнеописание Софрония находятся на почти одинаковых легко сравнимых стадияльных ступенях развития культуры» [Лихачёв 1978: 90]. Думается, последнее замечание верно и в отношении Епифания. Однозначно утверждать, что «Житие» Епифания оказало влияние на «Житие» Софрония, мы пока не берёмся, однако с уверенностью можно отметить не только их типологическое сходство, но и то, что в обоих произведениях преломилось Аввакумово «Житие».

Многие учёные полагают, что Софроний создал своё житие под влиянием Обрадовича [Арнаутов 1954: 43; Балан 1896: 106; Державин 1948; Дрисон 1889: 9; Пенев 1912; Попруженко 1904: 343; Шишманов 1943: 115].

Теперь сформулируем *предварительные выводы* нашего исследования.

«Житие» Епифания, «Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, наречённого в монашестве Досифеем, им самим написанное и изданное» Досифея Обрадовича и «Житие» Софрония Врачанского созданы на стыке старой, религиозной, и новой, светской, литератур. Все авторы использовали достижения житийной литературы и в то же время явились одними из родоначальников новой автобиографической литературы. Кроме того, на жанровом уровне оба произведения включают в себя элементы проповеди. Сочинения Епифания и Софрония испытали на себе немалое влияние «Жития» Аввакума. Правомерно, на наш взгляд, утверждать, что произведения Епифания и Обрадовича были более светскими по сравнению с сочинением Аввакума и при этом намного более «традиционными», намного более связанными с предшествующей литературной традицией, нежели «Жизнь и приключения...» Обрадовича. Епифания, Обрадовича и Софрония объединяют также взгляды на родной язык. Русский, сербский и болгарский авторы без утайки рассказывают о своих переживаниях и колебаниях; используют сходные изобразительные средства (диалоги, описания природы).

---

⁵ Отметим, что Г.Д.Гачев категорически утверждает, что «Софронию Аввакум не мог быть известен» [Гачев 1989: 92]. Думается, Гачев в данном случае не вполне прав.

ЛИТЕРАТУРА

Аввакум 1951 – *Протопопъ Аввакумъ*. Житие. Челобитныя къ царю. Переписка съ боярыней Морозовой. Париж, 1951.

Ангелов 1957 – *Ангелов Боню Ст.* Ранни книжовни занимания на Софроний Врачански // Известия на Института за българска литература. Кн. V. София, 1957.

Арнаутов 1954 – *Арнаутов М.* Строители на българското духовно възраждане. София, 1954.

Балан 1896 – *Балан А.Т.* Българска литература. Пловдив, 1896.

Барахов 1988 – *Барахов В.С.* Жанр художественной автобиографии в историческом развитии // Славянские литературы. X международный съезд славистов. М., 1988.

Боева 1978 – *Боева Л.* Типологический рельеф автобиографической повести в славянских литературах // Сборник, посветен на VIII международен конгрес на славистите. София, 1978.

Боева 1983 – *Боева Л.* Автобиографические жанры // Боева Л. Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII вв. София, 1983.

Бычков 1995 – *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика. XI – XVII века. М., 1995.

Виноградов 1923 – *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь. Сборник статей под ред. Л.В.Щербы. Том 1. Пг., 1923.

Гачев 1989 – *Гачев Г.Д.* Неминуемое: ускоренное развитие литературы. М., 1989.

Гусев 1957 – *Гусев В.Е.* Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Том 13. М.-Л., 1957.

Державин 1941 – *Державин Н.С.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М., 1941.

Державин 1948 – *Державин Н.С.* История болгарской литературы. В 4 томах. Том 4. М., 1948.

Донченко 1994 – *Донченко Н.* Антропология и агиография в XVII – XVIII вв. (Россия, Болгария, Сербия) // Россия и Запад. М., 1994.

Доронина 1983 – *Доронина Р.Ф.* Основные тенденции развития сербской литературы эпохи национального возрождения // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Романтизм. М., 1983.

Дрисон 1889 – *Дрисон М.С.* Няколко забравени списания на Софроний Врачански // Периодическо списание. Кн. 12. София, 1889.

Епифаний 1989а – *Епифаний*. Житие Епифания // Пустозёрская проза. Сб. / Сост., предисл., коммент., пер. отд. фрагментов М.Б.Плюхановой. М., 1989.

Епифаний 1989б – *Епифаний*. Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. Вст. ст. Д.С.Лихачёва. Сост. и общ. ред. Л.А.Дмитриева и Д.С.Лихачёва. М., 1989.

Калиганов 1982 – *Калиганов И.И.* Традиции старой письменности и возникновение новой болгарской литературы // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.

Лециловская 1972 – *Лециловская И.И.* Взгляды Досифея Обрадовича по национальному вопросу // Славяне и Запад. К 70-летию со дня рождения С.А.Никитина. М., 1972.

Лециловская 1982 – *Лециловская И.И.* Философская проблематика Просвещения в сербской литературе второй половины XVIII в. // Литература эпохи формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Просвещение. Национальное возрождение. М., 1982.

Лихачёв 1975 – *Лихачёв Д.С.* Сочинения протопопа Аввакума // Лихачёв Д.С. Великое наследие. М., 1975.

Лихачёв 1978 – *Лихачёв Д.С.* Автобиографии на Софроний Врачански и Авакум Петров. (Опит да се обяснят техните различия) // Литературна мисъл. 1978. № 10.

Мечев 1963 – *Мечев К.* Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский // Труды отдела древнерусской литературы. Том XIX. М.-Л., 1963.

Николаева 2007 – *Николаева Т.М.* Стилистическое новаторство Аввакума // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 20 – 23 марта 2007 г.): Труды и материалы / Составители М.Л.Ремнёва и А.А.Поликарпов. М., 2007.

Обрадовић 1994 – *Обрадовић Д.* Живот и прикљученија Димитрија Обрадовића, нареченога у калуђерству Доситеја, њим истим списат и издат. Београд, 1994.

Панченко 1982 – *Панченко А.М.* Аввакум как новатор // Русская литература. Историко-литературный журнал. 1982. № 4.

Пенев 1912 – *Пенев Б.* Доситей Обрадович у нас // Списание на Българската академия на науките. Кн. III. София, 1912.

Петканова-Потева 1960 – *Петканова-Потева Д.* Неделникът на Софроний Врачански – извори и идеи // Известия на Института за българска литература. Кн. IX. София, 1960.

Попруженко 1904 – *Попруженко М.Г.* Очерки по истории возрождения болгарского народа // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1904. № 4.

Робинсон и Дылевский 1976 – *Робинсон А.Н., Дылевский Н.М.* Софроний Врачанский и его жизнеописание // Софроний Врачанский. Жизнеописание. (Серия «Литературные памятники»). Л., 1976.

Смольяникова 1997 – *Смольяникова М.Г.* Болгарская литература // История литератур южных и западных славян. В 3 томах. Том 2. М., 1997.

Снегаров 1953 – *Снегаров Ив.* Културни и исторически връзки между България и Русия през XVI – XVIII век. София, 1953.

Софроний 1976 – *Софроний Врачанский.* Житие и страдания грешного Софрония // Софроний Врачанский. Жизнеописание. (Серия «Литературные памятники»). Л., 1976.

Чернов 1989 – *Чернов В.А.* На каком языке писал Аввакум? // Труды Отдела древнерусской литературы. Том XLII. Л., 1989.

Шишманов 1943 – *Шишманов Ив.Д.* Увод в историята на българското възрождение // От Паисий до Раковски. София, 1943.